

В СТОЛИЦУ Таджикистана привезло письмо из Челябинска. Директор Челябинского театра оперы и балета З. Артемьев передал в редакцию странное послание, полученное им от совершенно неизвестного балетмейстера из Душанбы М. Беркута.

На двух страницах, опечатанных на машинке, Беркут предлагает свои услуги для постановки концертной программы «Хореографические композиции, включающей 16 номеров. При этом он сообщает, что является «постоянным» с тарификацией балетмейстера высшей категории, и подробно излагает условия, при соблюдении которых готов немедленно выехать в Челябинск.

Несколько нескронное письмо Беркута выглядит тем более странно, когда дополнительно выясняются два обстоятельства. «Постоянный» с тарификацией балетмейстер высшей категории, оказывающийся только в начале февраля этого года (письмо отправлено в октябре прошлого года) защитил диплом в ГИТИСе, причем именно «Хореографические композиции» были темой его дипломной работы. И второе: точно такие же письма были разосланы Беркутом во многие другие музыкальные театры страны.

Случай, действительно, не совсем обычный.

Кстати, о самой концертной программе. Ни один из артистов, как и следовало ожидать, не принял предложения Беркута, и «Хореографические композиции» были поставлены его месту основной работы — балетмейстер — на сцене Таджикского театра оперы и балета имени С. Айни. Поставленные интересно, со вкусом, но очень коротко: хорошие минютеры чередуются с явно слабыми номерами — такими, например, как «Утро», «Первая мазура», «Альборда». Думается также, что во многом правы были те участники обсуждения программы художественным советом театра, которые отменили несколько слушавшую суровость и трагичность общего колорита спектакля. (В этой связи не может не вызвать возражения чрезмерно восторженная оценка программы, данная на страницах республиканской газеты педагогом — балетмейстером ГИТИСа Д. Уваляцовым. Авторитетный автор почему-то счел целесообразным ударить в громозвучия литавры вместо того, чтобы выступить с профессиональным критическим разбором далеко не совершенного спектакля. Именно в таком разборе и начинался Беркут).

Но нас в данном случае ин-

тересует не анализ достоинств и недостатков «Хореографических композиций». И даже не письмо Беркута, хотя его нескронные письма заслуживают всесочного осуждения. Волнует и тревожит другое: почему у молодого балетмейстера, приехавшего в Таджикистан с большим желанием работать, пропал вдруг интерес к своему театру, что заставило его высказывать возможность постановки дипломного спектакля на стороне?

«НАШ ТЕАТР серьезно болен» — эти горькие слова, услышанные в разговоре с одним из солистов балета, оказались неслучайно преувеличением. Но только вначале! По мере того, как мы знакомимся с Таджикским театром оперы и балета, смотрим его спектакли, разговариваем с людьми, ощущение застарелого и тревожного неблагополучия и коллектива становится все более очевидным.

Мы не будем касаться здесь прошлых заслуг театры: они столь же велики, сколь и басносны. За годы своего существования коллектив много сделал для становления и развития профессионального искусства в республике; он подарил зрителям и слушателям немало хороших спектаклей; в стенах театра выросли и творчески возмужали замечательные мастера, чьи имена широко известны за пределами Таджикистана. Орден Ленина, которым в свое время были отмечены творческие успехи коллектива, — заслуженная награда за все то, что было и что будет. Но сейчас театр родному народу.

Но это в прошлом... За последние пять-шесть лет театр в значительной мере утратил свою былую славу, уступил в покое творческой инертности и застою. Его всегда полупустой зал ирреспективно свидетельствует о том, как резко упал интерес зрителя к единственному республике музыкальному коллективу.

Объясняется это, очевидно, несколькими причинами. И прежде всего тем, что театр за последние годы бесхозяйственно растерял свой репертуар, свел его к весьма ограниченному числу далеко не самыми удачными постановок.

Номинально в текущем репертуаре значится свыше двадцати произведений, но это только номинально: фактически на афишах из месяца в месяц однообразно мелькает 10—12 названий. Художественное качество многих постановок (с этим согласны и сами работники театра) оставляет желать лучшего: интересные прежде спектакли разболтались, отчетливо проступают «белые нитки» скороспелых замесов и входов; обветшали и побилились декорации. Характерна в этом отношении балет на музыку И. Штрауса «Большой вальс» (балетмейстер Н. Трегубов) — спектакль, который никак не может служить украшением республиканской сцены. Мы не ставим перед собой цели анализировать творческий облик театра, подобно, разбирать его постановки. Характерна специальная музыкаловедческой стью: речь идет главным образом об организационных неполадках, приводящих в конечном итоге к творческому срывам.

Не контролируя сколько-нибудь серьезно качество текущего репертуара, руководство коллектива не сумело вместе с тем организовать четкий и

По следам письма в редакцию

планмерный выпуск новых спектаклей. Впечатление такое, что с некоторой пор у театра вообще отсутствует маломальски определенная репертуарная линия. Творческие планы на только хронически не выполняются, но превращаются постоянные перемены: намеченное к постановке вчера категорически отменяется сегодня. «Что поделает — жизнь вносит свои коррективы», — говорит руководитель театра, ссылаясь на те или иные объективные трудности. Но это не более как отговорка. Нельзя же туманной ссылкой на жизненные коррективы оправдывать такое положение в театре, при котором выпуск по-настоящему интересных спектаклей (таких, каким был когда-то национальный балет «Лейли и Меджнун») став чрезвычайно редким явлением.

Да, у республиканского Театра оперы и балета имеются не только хорошие спектакли, но и в состоянии продолжать собственными силами. Но никакими силами не отыщешь в достоянии вполне конкретных вопросов, непосредственно связанных с творческой деятельностью коллектива. Почти все творчество утратил за последние годы вкус к постановке современных оперных произведений, в том числе и национальных (комическая опера С. Урбаха «Знатный жених» является почти исключением). Чем объяснить, что из всего классического балетного репертуара на душанбинской сцене сохранилось только «Жизель»? Почему театр так безынтересен в привлечении либреттистов и композиторов к созданию новых спектаклей? Чем можно оправдать фактическую бездеятельность Большой группы талантливых выпускников Ленинградского хореографического училища, которые используются только для посещения входов в старые спектакли и участия в концертных программах? Почему республиканский театр, имеющий в своем репертуаре несколько прекрасных спектаклей, никак не откликнулся на 125-летие со дня смерти Пушкина, которое широко отмечалось по всей стране?

Перечень таких вопросов можно продолжить. К слову сказать, и печальная история с Беркутом есть не что иное, как прямое следствие организационной и творческой неразберихи, царящей в стенах театра. Ни в кой мере не оправдывая нескронность Беркута, напомним в том, что призвал, что молодой балетмейстер встретил в Таджикском театре оперы и балета далеко не самое доброжелательное отношение. Приехав в Душанбу в апреле прошлого года, он должен был сразу же (так обещали ему руководители театра) приступить к постановке балета «Шурале». Однако это обещание не было выполнено, хотя репертуар театра, как мы уже говорили, весьма скуден. Долгое время, почти полгода, Беркут не мог начать репетиции своей концертной программы...

Что же все-таки происходит в театре, почему жизнеспособный творческий коллектив вот уже несколько лет работает

яно не в полную меру своих сил и возможностей?

МНОГИЕ работники театра и Министерства культуры республики склонны сваливать всю вину на главного режиссера (он же балетмейстер) Г. Валамат-заде. Претензии, которые ему предъявляют, серьезные и во многом основательные. Очевидно, правы товарищи, которые утверждают, что Валамат-заде просто-напросто не под силу сегодня художественное руководство республиканским театром оперы и балета, что он не сумел обрести делового контакта с коллективом, создать в театре нормальную творческую обстановку. Выказываются нарекания и обиды на крутой нрав главного режиссера, на его нетерпимость к критике, на нежелание считаться с мнением партийной и профсоюзной организаций. В коллективе прямо говорят, что Валамат-заде «выживает» из театра неугодных ему людей, и при этом называют фамилии нескольких хороших работников, которые вынуждены были в свое время покинуть Душанбу, так как не смогли уживаться с главным режиссером.

Сейчас, за давностью многих событий, трудно проверить обоснованность всех критических замечаний, высказываемых в адрес Валамат-заде. Но если даже предположить, что все оно абсолютно справедливо и что Валамат-заде действительно не сумел правильно вести себя в театре, — даже в этом случае нельзя, как нам кажется, представлять его единственным виновником создавшегося положения. А ведь именно такой точки зрения упорно придерживаются многие работники театра и Министерства культуры республики.

Обвинить во всем Валамат-заде — значит несправедливо первернуть все то полезное и доброе, что сделал этот талантливый художник для развития таджикского искусства и прежде всего для театра оперы и балета. Но дело не только в этом. Столь упрощенное объяснение серьезным негодом и трудностям, которые переживает сегодня коллектив, неверно и по существу: ведь не в безлюдной же пустыне, надо полагать, работал все эти годы Валамат-заде? Его деятельность (как творческая и деловая) проходила на глазах многих и многих людей. Да, главный режиссер виноват, но, думается, что его вину в полной мере разделяют и творческий актив театра, партийная и профсоюзная организации. Об этом приходится напоминать потому, что общественная жизнь в коллективе тапается едва заметным огоньком. Мне довелось быть на так называемом общем собрании работников театра, посвященном обсуждению итогов прошлого года, и должен признаться, что никогда прежде я не встречал столь открытого и искреннего «народного» доклада заместителя директора К. Абдулаева, сообщившего, что план 1961 года не выполнен по всем показателям, не вызвал сколько-нибудь серьезного и принципиального разговора. Да и вряд ли могло быть иначе, если из 379 работников театра присутствовало... 48 человек! Потому что даже не досидели до конца вечера кратких прений. Уже с самого начала было совершенно очевидно, что проводить такое собрание бессмысленно, и тем не менее оно состоялось:

важно было исполнить обязательство, связанное с соответствующую графику плана работы местного комитета. По одному такому собранию можно судить о том, как мало внимания уделяют общественности организации творческой жизни коллектива.

И, конечно же, самую явную, самую непосредственную ответственность за неблагополучие в республиканском театре оперы и балета несет Министерство культуры Таджикской ССР (министр А. Имомов). Удаления достойно то руководство, с исторической ответственностью нескольких лет относятся руководящие работники министерства к судьбе своего крупнейшего музыкального коллектива. Ведь знали же они, что на сцене театра давно не появляются интересные, масштабные спектакли, что только за последние два года от даным самим же министерством из коллектива ушло чуть ли не шестидесять человек, что перешедшие художественное руководство театра совершенно не заботились о воспитании внутри коллектива полноценной творческой среды. Не сразу, но в силу систематического заговора прежде позиций кризис назрел давно, но никаких сколько-нибудь действенных мер не принималось. И только сравнительно недавно, после серии ответственных концертов, который готовил Валамат-заде, коллектив Министерства культуры подробно обдумала на своем заседании творческие дела театра. Хорошо, конечно, что такое обсуждение состоялось, но ведь это можно и нужно было сделать значительно раньше.

Выше мы упоминали о трудностях, которые ни театр, ни Министерство культуры республики не в состоянии преодолеть собственными силами. Таких трудностей много. Уже несколько лет, например, театр безуспешно пытается укомплектовать штаты. Своей консервативности в республике нет. Очевидно, создание Министерства культуры должно в данном случае серьезно помочь коллективу в пополнении его творческого состава. Стоит подумать и об увеличении численности оркестра и хора театра, ибо сейчас оно значительно ниже современных требований.

Но самое главное, пожалуй, наконец, в порядке знания театра. Уже давно оно нуждается в капитальном ремонте, из рук вон плохо обстоит дело с охраной труда и техникой безопасности. Кстати, еще в 1960 году коллектив Министерства культуры принял об этом специальном решении, но положение несколько не улучшилось: в недавнем (декабрь 1961 года) постановлении республиканского комитета профсоюза снова отмечается безобразное состояние охраны труда и техники безопасности в производственных цехах и службах театра. Характерна в этом отношении и записка о грамотности, не созданы элементарные условия для творческой работы...

ТЕАТР серьезно болен. И исцелить его могут не робкие полумеры, вроде вынесения выговора главному режиссеру Г. Валамат-заде. Надо абсолютно безоговорочно укрепить руководящий состав театра, оздоровить творческую обстановку в коллективе, всемерно усилить государственные организации. Пора, наконец, понять, что Театр оперы и балета — слишком дорогое сокровище, чтобы относиться к нему так безответственно, как до сих пор.

Ник. КРИВЕНКО, апец. корр. «Советской культуры» ДУШАНБЕ.